

ЛОТЦЕ (Lotze) Рудольф Герман (1817—1881) — немецкий философ, врач, психолог, естествоиспытатель. Родился в Баутцене — той самой местности, откуда происходили Лессинг и Фихте. В Лейпцигском университете изучал медицину, физику и философию.

Философия не была, впрочем, первой его специальностью, в университете он готовился к званию врача. Но, как говорил сам Л., «склонность к искусству и любовь к изящному» увлекли его занятиями философией. Л. с таким успехом занялся ею, что получил приглашение читать лекции на обоих факультетах: медицинском и философском (1842). В 1844 Л. был приглашен в Геттинген, где занял кафедру философии, сменив Гербарта. За год до смерти был приглашен в Берлин, где вскоре и умер от болезни. Л. вел тихую жизнь, посвященную науке, размышлениям и академическому преподаванию. От строго научных трудов Л. отдыхал в занятиях искусством и литературой.

Так он перевел в стихах «Антигону» Софокла на латинский язык. Основные сочинения Л.: «Метафизика» (1841), «Общая патология и терапия как естественные науки» (1842), «Логика» (1843), «Общая физиология телесной жизни» (1851), «Медицинская психология, или психология души» (1852), «Микрокосм» (1856—1864, в 3-х томах), «История эстетики в Германии» (1868), «Система философии» (1874—1879, в двух частях: 1. Логика. 2.

Метафизика). Кроме того, в разное время Л. были написаны небольшие по объему, но очень важные по содержанию сочинения: «О понятии прекрасного», «Условия прекрасного», «Полемические сочинения», статьи в «Физиологическом словаре»: «Жизнь», «Жизненная сила», «Душа», «Душевная жизнь», «Инстинкты». Несмотря на обширную ученую деятельность, Л. не оставил особой философской школы (подобно Гегелю или Гербарту). Одна из причин состоит в том, что свои сочинения Л. предназначал или для врачей, которые не имели особых симпатий к метафизике, или для обыкновенной образованной публики, для которой было затруднительным усвоение высших философских понятий.

Во-вторых, философская система Л., с точки зрения современников, не отличалась от систем, например, Гегеля или Гербарта.

Это стало ясно только к концу 19 и в 20 в. В этой связи Л. долго считался последователем Гербарта и Гегеля. Хотя сам Л. неоднократно заявлял, что он не разделяет многие тезисы этих авторов. В свою очередь, ряд идей Л., не востребованных современниками, оказал влияние на представителей самых различных философских направлений. В методологии неокантианства значимую смысловую нагрузку несли термины философии Л. «жизнь» и «ценность». Такие мыслители 19—20 вв., как Вундт, Дильтей, Brentano, Джемс, Виндельбанд, Фреге, К.Штупф, Гуссерль, Э.Ласк, Хайдеггер и др., испытали значительное воздействие учения Л. Заметно воздействие идей Л. и на американскую философию первой половины 20 в. — Сантаяна, Уайтхед. Русские философы также благосклонно восприняли учение Л. Так, М.Каринский, будучи современником и исследователем творчества Л., признавал его «одним из самых замечательных (если не самым замечательным) мыслителей нашего времени в Германии: он и поныне состоит профессором Геттингенского университета и собирает в своей аудитории едва ли не столько же слушателей, сколько имеет в Йене Куно Фишер, хотя Л. и не отличается теми особенностями таланта преподавания, которые производит такой сильный эффект при чтении Куно Фишера». Философское развитие и образование Л. началось под влиянием трансцендентальной философии Фихте, Шеллинга и Гегеля. Они были первыми философами, к изучению которых обратился Л. И хотя рано, буквально в первые же годы своей философской деятельности, Л. стал независим по отношению к их идеям, тем не менее влияние Гегеля на его убеждения весьма заметно. Это проявилось в первом философском произведении Л. — «Метафизике». Гегелевская логика здесь присутствует явно: за общими понятиями (или «основаниями», как их обозначал Л.) признавалось истинное бытие. Однако, признавая заслуги Гегеля в работе над понятиями, Л. в то же время видел недостатки как абсолютного метода Гегеля, так и его философской системы в целом.

Во Введении к «Метафизике» Л. замечает: «Много говорят о какой-то особенной спекулятивной методе.

Но как ни в ходу это слово, — она такая же неясная мысль, как если бы кто-нибудь стал обещать такую методу действий, которая делала бы только хорошие дела, а не худые и посредственные. Она есть не что иное, как результат смутных разглагольствований о двойстве познания, по которым только важное спекулятивное познание может приближаться к высшим таинствам, а обыкновенное гражданское — не философской интеллигенции — оставляется на всякого рода употребления». Уже тогда Л. отрицал возможность какого-либо исключительного метода, типа спекулятивного, который существенно отличался бы от общих форм и методов обыкновенного познания. А относительно способности понятий переходить в свою противоположность и примиряться затем в высшем единстве Л. замечал: «Чем более понятия общи, отвлеченны, тем более можно находить противоположные ему: следовательно, тем более может быть здесь произвола и тем менее имманентного движения понятий». Гегельянство оказало влияние на Л. более всего тем, что побудило его к умственной критической работе. Еще менее Л. обязан своему философскому развитию философии

Гербарта, хотя самого Л. долгое время и считали его последователем. Во всех главных пунктах «Метафизики» — в учении о бытии и первичных качествах, субстанции, формах пространства и времени, движении, взглядах на материю, происхождение и значение категорий — Л. оказался в оппозиции

Гербарту. Противоречие это позднее смягчилось, но лишь потому, что Л. подчинился влиянию Лейбница, который, в свою очередь, повлиял на гербартовскую систему.

Положительное влияние на развитие взглядов Л. оказало «младогегельянство»: Л. сам себя постоянно причислял именно к этой школе, называя ее «идеально-реальной». Развитие философских взглядов Л. показывает, что он являлся человеком, который воплотил в себе как идеальные мотивы, на которые опиралась философия романтизма, так и строгое проведение механистического миропонимания, выработанное наукой в середине 19 в. Его идеалом в философии было то же, что представлялось и романтикам: вывести развитие и смысл мира из вечной идеи, которая заключала бы в себе конечную основу как всех явлений, так и того значения, каким обладают эти явления. В целом у Л. художественный, естественно-научный и философский элементы творчества тесно соединены. Тем самым в его системе представлена попытка воссоздания идеалистической философии на реалистической основе. Одно из главных сочинений Л. — «Микрокосм».

Оно имеет подзаголовок: «Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии». Это богатое мыслями и увлекательно написанное сочинение достаточно оперативно было переведено и на русский язык (1870). Общая структура данного произведения выглядит следующим образом: Часть 1: Тело.

Душа. Жизнь. Часть 2: Человек. Дух. Дух мира. Часть 3: История. Прогресс. Общая связь вещей между собой. Произведение задумано Л. наподобие произведений

Гердера «Идеи к философии истории человечества» и Гумбольдта «Космос». В трехтомном произведении Л. прослеживается тесная связь психологии с физиологией и историей культуры и заканчивается изложением космологических и религиозно-философских идей.

Проблемы, которые волнуют Л. в «Микрокосме», он формулирует следующим образом: «Какое значение имеют во Вселенной человек и его жизнь?», «Что грозит разложением самому человеку («микрокосму»)?». Общий ответ Л. на второй вопрос: это раздвоенность «микрокосма» между

«сердцем и знанием и преданность чему-то». Поэтому Л. подвергает сомнению абсолютную ценность и науки, и души, не выступая при этом против них абсолютно: «

;Нельзя улаживаться верою в задушевный мир, не пользуясь на каждом шагу действительной жизни выгодами, предоставляемыми наукой, и, стало быть, не признавая втихомолку ее истины; точно так же нельзя жить и наукой, не ощущая радостей и бед существования и не чувствуя себя опутанным со всех сторон нитями иного миропорядка, на который наука едва дает нам только самые скудные пояснения». Л. хочет убедить читателя, что систематика положительного знания является всегда поздно, жизнь и история не ждет ее.

Люди давно говорили, прежде чем сложилась грамматика, давно жили земледелием, прежде чем сложилась наука сельского хозяйства. Т.обр., по Л., наука только завершает жизненный подвиг, и будь это иначе, она бы не содействовала ему, а скорее перечила бы и мешала. Идея Л. — подчиненность антропологическому вопросу всех тех проблем, которые предопределили программу трансцендентальной философии. Иначе говоря: все производно от целостности человеческой жизни, как высшей ценности бытия.

В этом контексте специфично, по Л., и понимание сути природы: «Природа вовсе не какой-нибудь сбор разных приспособлений и орудий, пригодных к удовлетворению тех или других требований идеального мира: она, прежде всего, связанное в себе целое — организм, домохозяйство в огромных размерах, готовое, правда, всю совокупность своей служить и совокупности идей, принимать от них предначертание задач общей своей деятельности, но с тем, что распорядок выполнения представляет оно самому себе и удовлетворяет каждой отдельной потребности не вдруг и не особым мгновенным усилием или напряжением; напротив, события, по-видимому, совсем не помня своих задач, долго предаются разнообразной игре в свои собственные формы, часто проходят как бы неуказанным путем мимо предназначенных им целей, или даже наперекор тому направлению, какое, в интересе высших идеалов, хотела бы придать им наша торопливая фантазия. Кто вместо маленького лоскутка природы, доступного в пространстве и времени нашему наблюдению, мог бы окинуть одним взглядом все целое, только тот заметил бы окончательное согласие этой кажущейся сумятицы с великими целями, имеющими свою цену». Л. убежден, что механическое понимание природы — это основа мировоззрения. «Механизм», «организм», «целое» — вот основные понятия его понимания природы.

Защита механического воззрения на природу и вытекающих из него следствий представляет значительную часть философии Л. Однако, по Л., наряду с механическим мировоззрением есть и другой взгляд на действительность.

Он называет его «истолковательным» (а механическое — «разъяснительным»), мировоззрение же — «идеальным». Согласно Л., «идеальное толкование» выдвигает всегда на первый план внутреннюю связность и последовательность, «разумный смысл» внешней природы. Л. замечает, что между двумя этими взглядами следует видеть не столько борьбу, сколько соответствие и взаимосвязь. «Эстетическое впечатление картины не зависит, конечно, от знания тех приемов, благодаря которым удалось художнику ее выполнить». Итак, мысль Л. имеет две исходные точки: он глубоко чувствует значение духовной жизни, чувствует, что самое высокое для нас связано с духовным развитием и его идеалами. И в то же время он убежден, что система механических причин и законов необходима для осуществления даже самых высоких идеалов. Система Л. имела своей задачей соединение двух направлений мысли середины 19 в.: механического объяснения и идеального истолкования мировой жизни — «Метафизику» Л. заканчивает словами: «начало метафизики не в ней самой, а в этике». А позже Л. охотно пользовался для выражения своих убеждений формулой: мир ценностей есть ключ к пониманию мира форм.

Истина познания заключается в том, что оно раскрывает смысл и назначение мира. То, что должно быть, является причиной всего существующего, а существующее служит для того, чтобы в нем реализовались ценности.

Отсюда и своеобразное понимание человека у Л. Книга четвертая «Микрокосма» так и озаглавлена: «Человек». Основные главы этой книги таковы: Глава 1. Природа и идеи; Глава 2. Природа из хаоса; Глава 3. Единство природы; Глава 4. Человек и животные; Глава 5. Разности человеческого рода. «Определить человеку существенное его место в ряду созданий» — такова в этом плане цель философии Л. С его позиций, «...о человеке будем мы судить не иначе... как в своеобразности, в сравнительных выгодах и невыгодах той обстановки, с которой организации его назначено быть во взаимодействии». Т.е. Л. отказывается от сложившейся традиции («сильно укоренившейся привычки»), когда все живые создания расположены на иерархической лестнице и каждое подчиняется распорядку и очерчивается кругом этой зависимости. Л. отрицает сложившийся философский предрассудок о том, что «будто нельзя познать хорошо человека, не изучив наперед всех низших членов животной череды, во главе которой стоять ему предназначено. Что за педантство воображать себе, будто человека поймет только тот, кто прежде понял инфузорию, насекомое и лягушку!.. Познание человеком самого себя есть, прежде всего, познание его предназначения; средств, данных ему для достижения последнего и перечисляющих тому препятствий; если же и помимо этого есть еще какой-нибудь интерес сравнивать человека... с жизнью тех окружающих нас созданий, которые идут каждые своим особенным путем, то это уже малоценное занятие...» Человечность (человек) возвышается над всяким животным развитием, по мысли Л., прежде всего потому, что она ставит вопрос о своем собственном существовании, своем существе и своем предназначении. Какова «значимость» человека? — вопрос, который мучает Л. Этим термином Л. стремился расширить содержание таких понятий,

как «действительность», «данность». По Л., кроме того, что «действительность» дана («события происходят»), они еще и что-то «значат» (Geltung).

Иначе говоря, помимо «бытия», существует принципиально иной мир — мир постижения «смысла бытия». Размышления на данную тему Л. излагает в пятой книге «Микрокосма», которая называется «Дух». Отличительный дар человеческого духа, с точки зрения Л., — способность внутренне постигать бесконечное. Но закономерен вопрос: кто привил нам эту способность? По мнению Л., не опыт дал нам такую способность (не среда формирует человека). Эта способность непосредственно внедрена в природу нашего существа.

Но для своего развития она («способность человека постигать бесконечное») нуждается в благоприятных условиях опыта. Отсюда и те радикальные для своей эпохи выводы о роли личности, к которым приходит Л.: «Самость, существо всякой личности, основывается не на совершившемся или совершающемся противоположении между Я и не-Я, но состоит в непосредственном бытии-для-себя (Fürsichsein), которое есть, наоборот, причина возможности этого противоположения там, где оно действительно наступает. Самосознание не что иное, как уяснение бытия-для-себя, состоявшееся с помощью средств познания, да и оно вовсе не необходимо связано с саморазличением Я от противоположного ему не-Я. Совершенная личность — в одном Боге, всем конечным духам дано... только слабое его подобие: конечность конечного — не порождающее условие личности, а, наоборот, предел, положенный ее выработке». В логике Л. считал, что всякое суждение есть отношение между содержаниями двух понятий или представлений. Такое понимание суждения было основано на предпосылке, утверждающей, что предмет суждения существует только в понятии или представлении (субъект суждения), но не объективно. Т.обр., соединенные в одном лице всесторонность и основательность сделали Л. одной из ключевых фигур истории философии 19 в.

А.А. Легчилин